

Национализм, чистота и опасность: «cross-border intimacy» в российских цифровых медиа¹

Дмитрий Тимошкин

Кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Москва; доцент кафедры культурологии и искусствоведения ГИ Сибирского федерального университета 660041, Красноярск, пр. Свободный, 86.
E-mail: dmtrtim@gmail.com

В статье исследуются нарративы о «трансграничной близости» в русскоязычных цифровых медиа. Проанализированы текстовые массивы, генерируемые мигрантами, рядовыми представителями принимающего сообщества и профессиональными журналистами. Выделялись и сравнивались смыслы, которыми наделялась физическая близость между мигрантами и «местными». Материал подбирался в 10 наиболее цитируемых российских интернет-СМИ, городских пабликах крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте», интернет-форумах по комбинациям ключевых слов «мигрант», «брак», «замуж», «женит», а также — этнохронимов, означающих выходцев из основных стран-доноров для РФ. Исследовательским инструментом стал качественный контент-анализ. Единицей анализа являлся или отдельный публицистический текст, или отдельное высказывание пользователя социальной сети. Установлено, что в производстве значений трансграничной близости в традиционных медиа участвуют преимущественно журналисты и бюрократия, причем первые транслируют позицию последних. В социальных медиа, помимо представителей принимающего сообщества, представлены и мигранты. В текстах социальных медиа, равно как и в медиа традиционных, в разных формах воспроизводится риторика «чистоты» и «опасности», схожая с представленным в трудах М. Дуглас описанием объектов, выпадающих из конвенциональных социальных категорий. В профессиональных медиа трансграничная близость рассматривается как угроза целостности воображаемого сообщества, метафорически представленного как женское тело. Физический контакт с «чужаком», прежде всего — «нашей» женщины с «чужим» мужчиной, рассматривается в текстах медиа как орудие борьбы за «право на город», как контагиозный обряд, в результате которого «чужак» заражает инаковостью принимающее сообщество в целом и пространство, с которым оно себя ассоциирует. Эти страхи используются как оправдание символических и физических интервенций, направленных на то, чтобы предотвратить подобные контакты и нивелировать их последствия. Что характерно, подобный националистический нарратив в социальных медиа могут воспроизводить как представители принимающего сообщества, так и выходцы из стран СНГ. Особенностью же социальных медиа является регулярное оспаривание нарратива о необходимости поддерживать «чистоту нации», причем гипотетически, в основном со стороны представителей «советских» поколений, а оспаривают — молодые люди, в особенности женщины.

Ключевые слова: трансграничная миграция, воображаемые сообщества, «cross-border intimacy», контагиозность, чистота, национализм, цифровые медиа

Физическая близость между людьми, находящимися по разные стороны границ, разделяющих «воображаемые сообщества», в современной России явление весьма

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

частое (Акрамов, 2018) и, более того, неизбежное (Сороко, 2014). Количество сексуальных контактов между представителями принимающего сообщества и приезжими, в том числе из стран Центральной Азии, в России растет (Олимова, 2018). До 2019 года этому способствовало увеличение количества мигрантов, прибывавших в Россию из указанных регионов, а также — постепенное изменение (Барсукова, Часовская, 2016) отношения обществ стран-доноров к трансграничным бракам в принципе (Рязанцев, Сивоплясова, 2021). Подобные «транснациональные» союзы, в которых супруги относятся к разным «воображаемым сообществам», привлекают широкое исследовательское внимание (Abrego, 2014). Это обусловлено тем, что трансграничная близость своим существованием ставит несколько крайне важных для понимания природы и механизмов функционирования социальных границ вопросов. Как соотносятся личные границы и границы национальных государств? Как национальное государство влияет на человеческую близость? Является ли личная близость основанием считать человека частью «воображаемого сообщества» для бюрократии принимающей страны и обычных людей?

Отвечая на них, исследователи выделяют трансграничные браки в отдельную категорию. За редкими исключениями участники таких союзов стигматизируются как принимающим сообществом, так и обществом страны-донора (McKenzie, 2021). Бюрократия рассматривает трансграничную близость как угрозу контролю над телами (Фуко, 1999: 199) — как своих сограждан, так и мигрантов (Brettell, 2017). Отсюда проистекает стигматизация индивидов, нарушающих эти границы, которая становится, с одной стороны, способом подтвердить воображаемые границы между «своими» и «чужими», а с другой — утвердить собственную власть над ними (D'Aous, 2013). Трансграничная близость в глазах чиновников выступает объектом постоянных подозрений (Decimo, 2020; Yayan, Burhanatut, 2017; Straiton, Ansnes, Tschirhart, 2019). Предполагается, что трансграничная близость ведет к проникновению в «наше» общество неких чужеродных элементов; при этом «наше» общество воображается как процветающее, а чужеродные элементы — как нищие и «грязные». Исходя из этого контроль над доступом к сообществу мыслится бюрократией как важнейшая миссия (Constable, 2009).

Парадоксально, но эту позицию зачастую разделяют и сами супруги, считая участие в «трансграничном» браке причиной собственной маргинальности. Факт пересечения национальных границ одним из супругов становится причиной того, что они оба и их близость рассматриваются как нечто не совсем естественное. В результате трансграничная близость провоцирует рефлекссию о границах воображаемого «мы», допустимых способах их преодоления как людьми, вступающими в такие отношения, так и наблюдающими за таким союзом со стороны.

Цель данного исследования — определить смыслы, которыми наделяется трансграничная близость в текстах, создаваемых мигрантами и представителями принимающего сообщества в цифровых медиа. Публицистические тексты и сообщения пользователей социальных медиа рассматривались как репрезентация общественной рефлексии в отношении трансграничной близости между предста-

вителями принимающего сообщества и мигрантами из основных для РФ стран-доноров (Щербакова, 2019). Мы использовали термин «трансграничная близость», представляющий собой кальку с английского «cross-border intimacy» (Farhana, 2018). Он позволяет не ограничиваться лишь формальным браком, охватывая более широкий спектр практик. Вместе с тем данный термин дает возможность обособить исследуемый объект, подчеркнув его отличие от иных форм близости как нечто переживаемое индивидами в качестве пограничного маргинального.

Интерес к профессиональным медиа обусловлен их способностью воздействовать на картину мира аудитории (Веснина, 2010; Варганова, 2015; Chouliaraki, Stolic, 2017; Eberl, Meltzer, Heidenreich, Herrero, Theorin, Lind, Strömbäck, 2018). Выбор социальных медиа (Ди, 2012) объясняется в первую очередь их растущей ролью в процессе производства «повестки дня» (McCombs, 2004). Подобно более традиционным медиа, каналы в мессенджерах и группы в социальных сетях не просто показывают пользователям «о чем думать» (McCombs, Shaw, 1972), они, с одной стороны, репрезентируют общественное мнение по вопросам, попавшим в повестку, а с другой — сами воздействуют на ее формирование.

Социальные медиа оказывают также значительное влияние на миграционные процессы, в частности, на «брачную миграцию» (An, Lim, Lee, 2020). Они одновременно воспроизводят и образ «мигранта» в принимающем сообществе, и образ принимающей страны в мигрантской среде, способствуя установлению и трансформации тех или иных практик взаимодействия. Социальные медиа воздействуют на содержание и направление миграционных потоков, на процесс интеграции мигрантов в принимающие города, расширяя возможности горизонтальных сетей, в которые включены приезжие, способствуя снижению издержек и рисков интеграции (Dekker, Engbersen, 2013; Dekker, 2018; Alencar, 2018).

Можно предположить, что в цифровых медиа будет отражена и общественная рефлексия относительно трансграничных браков, которые являются обязательным следствием обширных миграционных потоков. Образы могут не только продемонстрировать отношение к данной практике со стороны как принимающего сообщества, так и мигрантов, но и дать представление о соотношении личных и национальных границ, распространенных в обоих сообществах, о дискурсивных механизмах производства «чужака» и взаимодействии этого образа с «системой «онтологической безопасности»» принимающего сообщества (Баньковская, 2023: 209).

Сбор материала в традиционных медиа происходил следующим образом. По комбинациям ключевых слов, означающих разные формы близости между выходцами из основных стран-доноров для РФ и представителями принимающего сообщества (брак+мигрант; жениться+казашка; замуж+таджик; отношения+узбечка; родила+мигрант и т. д.), проводился поиск текстов в 10 наиболее цитируемых российских интернет-СМИ по версии «медиалогии» (Рейтинги российских СМИ, 2023). Аналогичные комбинации ключевых слов использовались при сборе материала в городских пабликах в социальной сети «ВКонтакте» и крупных форумах. Внутри пабликов и форумов проводился поиск по указанным

выше ключевым словам. Поскольку тема трансграничной близости обсуждается довольно редко, а количество активных пабликов во «ВКонтакте» приближается к двум миллионам, массив дополнялся релевантными цели исследования текстами во «ВК», найденными через поисковую систему Google.

При работе с текстами использовался качественный контент-анализ. Категоризировались значения трансграничной близости, представленные в собранном массиве. Были выделены следующие категории: социальное действие, ассоциируемое с трансграничной близостью, аргументы против нее или в ее пользу, акторы — участники, предтекстовая информация (очевидное знание), на которое опираются авторы текстов.

Грязная и сакральная контагиозность: трансграничная близость в профессиональных медиа

В профессиональных медиа обсуждается преимущественно формализованная близость — браки между мигрантами и «местными». Одним из ключевых информационных поводов становится подозрение трансграничной близости в том, что она является совершенно не тем, за что ее пытаются выдать сами участники событий, а также — действия бюрократии по проверке этих подозрений². Тексты в основном гендерно-нейтральны³. В тех случаях, когда в тексте упоминается пол участников ситуации, брак «нашей» женщины с «чужим» мужчиной⁴ представляется следствием неконвенциональных мотивов. Некоторые заголовки⁵ позволяют предположить, что единственной конвенциональной причиной трансграничного брака считается физическая близость. Люди, заключившие подобный союз, подозреваются фактически в ее имитации ради привилегий при включении в принимающее сообщество одного из партнеров.

Для того чтобы стать частью принимающего сообщества, трансграничному мигранту необходимо пройти через череду промежуточных обрядов (Ван Геннеп, 1999), в том числе получить разрешение на временное пребывание, патент, медицинские справки, затем пройти через обряд включения, получив гражданство. Физическая близость считается основанием для того, чтобы существенно упростить эти процедуры. Государство рассматривает физическую близость как контагиоз-

2. Многодетная сибирячка вышла замуж за мигранта ради одежды для детей: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27145.5/4239315/>

3. См., например: МВД решило ограничить легализацию мигрантов: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63b532cd9a794756a03328c1>; ФСБ выявила группировку, легализовавшую мигрантов: <https://www.rbc.ru/society/16/11/2021/61935509a794745582e4212>; МВД разработало закон о борьбе с легализацией мигрантов через фиктивные браки: https://lenta.ru/news/2023/01/04/fikt_braki/

4. Правоохранители расторгли фиктивный брак с мигрантом: <https://www.samara.kp.ru/online/news/5131512/>; тюменка оформила фиктивный брак с мигрантом: <https://www.tumen.kp.ru/online/news/4781928/>; россиянка вышла замуж за мигранта в обмен на ремонт: https://lenta.ru/news/2022/09/19/remont_brak/

5. Только по любви. Почему в России решили бороться с фиктивными браками? <https://www.bfm.ru/news/387318>

ный обряд (Ван Геннеп, 1999: 12), в ходе которого свойства «нашего» воображаемого сообщества передаются мигранту, что и становится причиной ускоренного включения «чужака» в «наш» круг. Если это не происходит, и мигрант, и его партнер рассматриваются как нарушители установленного порядка, а их союз — как девиация⁶. Избегая подразумеваемой формализованным браком близости, участники нарушают ритуал включения в сообщество «своих».

Собственно, силовые ведомства, фигурирующие в публицистических текстах, подозревают участников транснациональных браков в нарушении обрядового алгоритма и карают их в том случае, если подозрения оказываются оправданными⁷. Их функция — восстанавливать нормальность⁸, физически и символически исключая из «нашего» воображаемого сообщества тех, кто не прошел обряд, ход которого контролируется бюрократией⁹. Объясняя причины интервенций в отношении трансграничных браков, спикеры силовых ведомств приводят формулировки вроде «угрозообразующие факторы в миграционной сфере»¹⁰, относя угрозу к универсальной пресуппозиции.

В некоторых текстах угрозы, которые скрываются за «фиктивным» браком, описываются более детально:

Губернатор Краснодарского края Александр Ткачев: <...> «Сегодня мы вынуждены идти на радикальные меры — с этого дня в рейды по Сочи выйдут бо мобильных групп. Всех нелегальных мигрантов нужно отправлять домой. <...>» По его словам, в настоящий момент нелегалы не торопятся уезжать из города. «По сути, начали играть с нами в прятки: скрываются на стройках, в отдаленных населенных пунктах, живут по 50 человек в одной квартире, заключают фиктивные браки. Делают все возможное, чтобы любой ценой остаться на Кубани. Но мы этого не допустим! <...> Говорил и говорю: ни Кубань, ни Россия не проходимой двор! Никто не будет уважать такую страну. Приграничная Кубань в силу своего положения привлекает многих: теплый климат, благоприятные условия для жизни. И вот уже несколько лет край испытывает на себе все прелести незаконной миграции. Незаконные мигранты — это значительная нагрузка на социальную сферу. У нас нет дополнительных средств на обучение, здравоохранение, социальную защиту этих людей. Кроме того, нелегалы выдавливают местное население из выгодных сфер бизнеса — торговли и сферы обслуживания. Увеличился рост пре-

6. Женщина вступила в брак с гражданином Узбекистана: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/02/16/19764823.shtml>; Нужно прихлопнуть этот рынок: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/16/14210233.shtml>

7. Бракованные узы миграции: <https://www.gazeta.ru/social/2014/01/14/5848817.shtml>

8. МВД решило ограничить легализацию мигрантов через фиктивные браки: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63b532cd9a794756a03328c1>

9. ФСБ сорвала День святого Валентина нелегальным мигрантам: <https://news.ru/vlast/fsb-zaderzhala-organizatorov-fiktivnyh-brakov-mezhdu-nelegalnymi-migrantami/>; МВД России планирует исключить фиктивные браки мигрантов: <https://news.ru/vlast/v-rossii-planiruyut-isklyuchit-fiktivnye-braki-migrantov/>

10. В РФ могут ввести уголовную ответственность за фиктивные браки мигрантов: <https://tass.ru/obschestvo/14069549>

ступности и оборота наркотиков. Незаконная миграция — это еще и перекосы в демографической политике¹¹».

«Фиктивный брак» описывается как угроза «нашему» пространству, открывающая возможность чужаку воспользоваться дефицитными ресурсами, расположенными в его пределах. Губернатор говорит от имени пространства, пытающегося вернуть себе субъектность и «уважение» с помощью физического устранения «чужака», а вместе с ним и угрозы, которые он несет: «перекосы в демографической политике» и «рост преступности».

В рассмотренных текстах представлены лишь случаи фиктивных браков, заключенных между «нашей» женщиной и «чужим» мужчиной¹². Браки между представителями принимающего сообщества не «расследуются» вовсе, равно как и браки между «нашим» мужчиной и «чужой» женщиной. Предположительно, авторы текстов проявляют подозрительность по отношению к физической близости между «нашим» и «чужаком» из-за подразумеваемой на уровне универсальной пресуппозиции «второсортности» второго: «Худенький, маленький, в оборванных штанах и с грязными ногами — не мужчина, мечта»¹³. Неравноправность партнеров заставляет предполагать наличие «ненормальных» мотивов как минимум у «нашей» женщины. Нередко, отвечая на вопрос о причинах трансграничной близости, авторы публицистических текстов указывают на некие отклонения «нашего», подталкивающие к близости с «другим». Это может быть чрезмерная сексуальная активность¹⁴, неумение ухаживать за женщиной «наших» мужчин¹⁵, недостаток внимания родственников¹⁶. Поиск недостатков и девиантных мотивов позволяет авторам текстов разрешить существующее на уровне фонового знания противоречие, объяснив, почему представитель «нашей» группы вступил в контакт с «низшим», «чужаком».

Физическая близость с «чужаком» в некоторых текстах описывается как подрывающая «нормальность» воображаемого сообщества «мы», причем зеркально схожие социальные ситуации могут подаваться авторами публицистических текстов по-разному в зависимости от того, участвует ли в них «чужак». Так, в интернет-издании «КП.ру» есть серия публикаций о случаях ранних беременностей, когда отец оказывается значительно старше матери, не достигшей возраста согласия. Ситуация становится предметом публичной дискуссии, к которой подключается бюрократия, предпринимая силовую интервенцию. Если отцом оказывается

---

11. Александр Ткачев потребовал очистить Сочи от нелегалов к Олимпиаде: <https://www.kommersant.ru/doc/2276740?query=%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BA%20%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82>

12. 18-летняя девушка согласилась выйти замуж за 40 тысяч рублей: <https://www.gazeta.ru/family/news/2022/08/15/18332690.shtml?updated>

13. Таджики меняют своих жен на русских: <https://iz.ru/news/497682>

14. Мигрант для москвички — лучший жених? <https://www.kp.ru/daily/23959/72419/>

15. Мигрант окольцованный: <https://www.kommersant.ru/doc/2298105>

16. Родившая в 11 лет счастлива в браке со своим «Ромео»: <https://www.kp.ru/daily/26962.3/4015445/>

«чужак», силовая интервенция чаще представляется авторами текстов оправданной, в отличие от тех случаев, когда отцом оказывается «свой»:

Они ждут ребенка и суда: 11-летняя девочка беременна от 15-летнего подростка. Ему грозит 10 лет тюрьмы. «Родители в курсе были?» — «Конечно!» У Севы мама (будущей бабушке 35) в декрете, две девочки у них с мужем. Так вот, Тоня часто у них бывала, играла с малышкой, ну в телефонах они там с Севой сидели. Все на виду вроде бы. Ничего такого... Чем занимались дети, пока родителей не было дома, стало ясно далеко не сразу. Ну врачи-то и сообщили в органы. Уже на следующий день пришли домой к парню. А он один. Допрашивать нельзя — ему всего 15. Позвонил маме, та прибежала. «Что? Почему?» Полицейские спрашивают: «Сева, что было в октябре 2021-го?» Он как за голову схватится: «Ой, Тоня беременна!» Ну его в отдел и повезли, он сознался — «решили попробовать» <...>

Тоня выглядела не по годам взрослой. Даже друзья не давали ей 11 лет.

Преступление-то особо тяжкое. Да и «палочную систему» никто не отменял, что бы ни говорили.

А что следствие? Они комментариев не дают — тут же несовершеннолетние, все засекречено. Известно только, что обвинение парню предъявили. Будет ли суд вникать? Красноярск — город большой, дел много, а судей — мало. Конечно, Сева достоин наказания, но что с ним будет через годы реальной тюрьмы, да еще и «на малолетке»?

— Я понимаю следствие: забеременела совсем еще девочка. Проверка и уголовное дело просто необходимы. Но тут нужна очень тонкая работа органов. Случай неординарный. Подходить надо предельно внимательно, — считает юрист, правозащитник, вице-президент российского подразделения Международного комитета защиты прав человека Иван Мельников. — Девушке 11, но и парень еще ребенок. Может, он не осознавал последствий? Было ли насилие, тем более что они встречались больше года? Я уверен, нужна экспертиза специалистов по психологии и психиатрии самого высокого уровня. Тут нельзя рубить сплеча¹⁷.

Прагматический потенциал данного высказывания заключается в том, чтобы смягчить последствия силовой интервенции. Сама целесообразность ее ставится под сомнение фразой «палочную систему никто не отменял». Отмечая, что физический контакт был добровольным, что девочка «не выглядела на 11», автор оправдывает подростка-отца. Другой автор описывает аналогичную ситуацию, в которой «наша» женщина вступает в близость с мигрантом. Здесь же силовая интервенция представляется оправданной, действия участников оцениваются как нарушение табу, причем вина за это возлагается на всех участников и прежде всего — на родителей женщины и на нее саму:

15-летняя школьница из Новосибирска забеременела от мигранта. История получила огласку после приговора — педофила судили за секс с малолеткой. Дальше — больше: выяснилось, что не только сам гастарбайтер обжаловал приговор,

17. Они ждут ребенка и суда: <https://www.kp.ru/daily/27383.5/4577671/>

но и мать пострадавшей девочки грудью встала на защиту таджика. Юная Джульетта тоже льет слезы, говорит: «Никакого насилия не было! Отпустите Фариду! Я его люблю!» Зоя встречает нас, одетая в майку и трико, — тоненькая, маленькая, сама еще ребенок. На руках держит дочку, которой всего несколько месяцев. Школьница рассказывает: познакомилась с Фаридом зимой 2016 года. Зое тогда было 14 лет, а таджику — 22 года. «Мы с подружками сидели в кафе в торговом центре. Фарид подошел, предложил познакомиться, — вспоминает девочка. — Было понятно, что он старше меня, поэтому я ему соврала про свой возраст: сказала, что мне 18 лет. Постеснялась, что еще маленькая...» История про возраст, возможно, придумана уже для суда. Надо быть слепым, чтобы не отличить 14-летнего подростка от 18-летней девушки. Мама школьницы настолько была не против беременности дочки, что тут же предложила Фариду переехать в двухкомнатную квартиру, где жила с Зоей. «То есть, представляете, родительница поселила преступника в одной комнате с его жертвой (напомним, по закону, да и по здравому смыслу, вступать в половую связь с детьми, не достигшими 16 лет, — это преступление). В результате попустительства со стороны матери: именно она разрешала мужчине оставаться ночевать в комнате дочери — несовершеннолетняя вступила в половую связь и забеременела», — обвиняют родительницу органы опеки.

<...> Семья была поставлена на учет, но вот изымать девочку из семьи почему-то никто не стал. Чиновники это объясняют так:

— При непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей, руководствуясь статьей 77 Семейного кодекса РФ. Но в этой ситуации непосредственная угроза жизни и здоровью школьницы отсутствовала, в связи с чем ребенок продолжает проживать в семье родителей.

Автор статьи, цитируя приглашенного эксперта, соглашается с силовой интервенцией, и даже считает ее недостаточно суровой. «Наша» женщина представлена похотливой и лживой, плохо успевающей в школе. Ей дают слово, однако сопровождают ее реплики обесценивающими комментариями «легенда», «придумано для суда». Прагматический потенциал данного высказывания заключается в том, чтобы побудить бюрократию к силовой интервенции, причем произвести ее не только в отношении «провинившегося мигранта», но и родителей вступившей в «трансграничную близость» женщины и даже ее самой. Вина последней заключается не только в том, что она нарушила табу, но и в том, что пытается нормализовать ситуацию, говоря с журналистом, оспорить вину, возлагаемую на мигранта. Высказывания молодой женщины, направленные на нормализацию ситуации, журналист оценивает как «ложь». Матери выдвигается аналогичное обвинение.

Представляется, что причиной обилия здесь слов, имеющих выраженную негативную коннотацию, адресованных участникам ситуации, является не столько сам физический контакт, а то, что один из партнеров — «чужой». Аналогичные ситуации, в которых девушка-подросток из неблагополучной семьи вступает

в близость с «местным» мужчиной, ровесником «таджика» из предыдущего текста, описываются совершенно иным языком. Как правило, авторы таких текстов избегают слов, имеющих негативную коннотацию, не высказывают осуждения в адрес участников социального действия¹⁸. Выраженной негативной коннотацией не обладает даже текст, размещенный в том же издании, где описывается случай беременности 15-летней девочки от 59-летнего бывшего депутата¹⁹. Силовая интервенция государства чаще либо признается чрезмерной, либо вовсе осуждается:

История Сережи и Марины — совсем как в песне Макаревича: «Он был старше ее, она была хороша...» Познакомились два года назад. Марине никак не дашь 14 лет. Скорее 16, а то и все 18. Она рано повзрослела — папа умер, а молодая мама занята зарабатыванием денег. В школе училась средне, но охотно... О возрасте любимой Сережа узнал через несколько месяцев после знакомства. К тому времени они уже познакомились с родными с обеих сторон. Мамы, поняв, что дети любят друг друга, решили не вмешиваться.

— *О своих близких отношениях с Сережей я рассказала маме, — признается Марина. — Она предупредила, что нужно предохраняться, но мы не хотели...*

Сергей предупредил Марину:

— *Если окажешься в положении, будем рожать и узаконим отношения. В январе Марина забеременела. Родительский совет решил: будем рожать. <...> — Я плакала на суде, умоляла, — вспоминает Марина. — Серега тоже говорил, что будет содержать семью и что мы хотим пожениться. Но судья нас даже слушать не стал!*²⁰

Прагматический потенциал текста предполагает смягчение последствий силовой интервенции. Ситуация описывается с помощью слов, имеющих нейтральную и положительную коннотацию, равно как и их действия. Заблуждение относительно возраста женщины расценивается как случайность, ее объяснение принимается автором статьи как достоверное.

Возможной причиной оправдания силовой интервенции в случае, когда виновником неконвенциональной физической близости оказывается «чужак», может быть то, что сама ситуация представляется как угроза не только конкретным людям, но и всему воображаемому «мы». Авторы призывают к вмешательству государства потому, что проблема, в их представлении, выходит за рамки частных

---

18. Новосибирская школьница сама родила дочь в 14 лет, пока 22-летний отец ребенка сидит в тюрьме за кражу. С ним девочка познакомилась во дворе, они были соседями. Но когда школьница забеременела, ухажер попался на преступлении. В итоге школьница осталась со своей проблемой один на один. Сама девочка растет в неполной, бедной семье — с бабушкой, отцом, братом и сестрой: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27237/4365181/>; В Новосибирске девочка из многодетной семьи забеременела в 14 лет. Целый год Лолита с Первомайки сбежала к 22-летнему возлюбленному на ночевки. Почему отец школьницы не хочет наказания для «зятя» и оставит ли ребенка семья, в материале «КП»-Новосибирск»: <https://www.nsk.kp.ru/daily/217181.5/4287419/>

19. В Астрахани завели дело на помощника депутата за секс с 15-летней племянницей: <https://life.ru/p/1389508/>; За секс с несовершеннолетней задержан депутат: <https://www.stav.kp.ru/daily/24502.5/655408/>

20. Жениха посадили... за беременность невесты: <https://www.kp.ru/daily/24135/354697/>

интересов, затрагивая гораздо более широкий круг людей. Женское тело становится метафорой воображаемого «мы» и физический контакт с «чужаком» воспринимается как нарушение границ не только конкретного участника социальной ситуации, но и всей группы, которую этот участник репрезентирует.

Представление о трансграничной близости как контагиозном обряде, результатом которого становится превращение «нашего» в «чужое», обнаруживается и в других текстах, описывающих «трансграничную близость». Если свойства «нашего» общества могут передаваться «чужаку» через физический контакт, что становится основанием для принятия его в сообщество «своих», то и «чужак» может передать свои свойства группе тем же способом. Силовые интервенции оправдываются страхом того, что через подобные контагиозные обряды свойства «чужака» могут передаваться «нашему» воображаемому сообществу в целом, что может привести к превращению «меня» в «другого»:

«Один из трех встреченных вами в Москве прохожих — мусульманин. <...> Теперь иностранцу для получения паспорта достаточно состоять в браке с гражданином РФ хотя бы год. Вернее, с гражданкой, потому что в основном к нам едут мужчины. Примеров, когда коренные россияне женятся на мигрантках из Средней Азии, очень мало. <...> Итог подобных браков — новые мусульмане. В смешанных семьях с мужем-мусульманином дети становятся мусульманами, это не обсуждается. Чем это грозит? Во-первых, усилением их политического влияния. <...> Они хотят голосовать. Сегодня их в Москве, допустим, полмиллиона. В следующем году будет, стало быть, минимум 620 тысяч. За пять лет число мусульман-избирателей увеличится минимум вдвое только за счет принятия их в гражданство России. <...> Так что чем больше новые россияне обживают в России и, в частности, в Москве, тем выше среди них явка на выборы.

<...> Мусульмане выбирают депутатов-мусульман и мэров-мусульман. <...> Избираться пойдут строительные бригадиры, владельцы фирм по перепродаже рабочей силы, директора овощебаз, которые стараются сделать город комфортным для мусульман. Строили «зоо храмов в год» — будут строить столько же мечетей.

<...> Главный муфтий уже заявил, что мало их в России, надо больше. Мечеть в каждом городе-миллионнике? Так есть уже в каждом, я проверила. На какие деньги станут строить новые мечети, если мусульмане превратятся в существенную избирательную силу? На наши и станут строить, на общие. И плакаты по Москве повесят с требованием уважать мусульман и одеваться скромнее»²¹.

В данном тексте влияние «чужака» воплощается в постепенном «захвате» городского пространства. Физическая близость с «нашей» женщиной описывается как инструмент борьбы за право на город, который с каждым новым актом близости будет становиться все более и более чуждым. Тело становится метафорой принимающего города, который не обладает собственной субъектностью и не способен противостоять «превращению в чужака». Соприкасаясь с «чужаком», женское

21. Депутат от Москвабада: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/12683263.shtml>

тело начинает производить угрозу воображаемому «мы», выраженную в отчуждении «нашего» городского пространства. Агентами этой чуждости при контакте с «чужаком» становится не только, собственно, «наша» женщина, но и дети, которые появляются вследствие такого союза. Их агентность конструируется с помощью ряда логических ошибок (использования недоказанных утверждений, таких как «все дети от смешанных браков становятся мусульманами» и «все мусульмане голосуют за мусульман»). Религия и нация, смешиваясь, обозначаются как причины фундаментальных различий между принимающим сообществом и мигрантами. И то, и другое представлено врожденными характеристиками, определяющими человеческую идентичность, что в принципе делает границы воображаемых сообществ непроницаемыми. Прагматический потенциал текста в том, чтобы вернуть субъектность «нашему» городу через ограничение «производства чуждости». Экспансия «чуждости» может описываться в разных терминах. На месте «ислама» в подобных текстах может оказываться «чужая культура»²², инфекции, претензии на дефицитные ресурсы, девиантное культурно-обусловленное поведение, что не меняет прагматического потенциала текста: «чужак» угрожает «нашему» пространству превращением его в себя.

По нашему мнению, подходящим для описания репрезентаций трансграничной близости в русскоязычных традиционных СМИ инструментом может стать метафора «чистоты и опасности» (Дуглас, 2000). Трансграничная близость, физический контакт между представителями двух разделенных воображаемыми национальными границами сообществ, рассматривается как «грязь», сочетание того, что должно быть разделено. Национальные границы в повестке дня традиционных российских медиа описываются как разделяющие группы, наделенные врожденными фундаментальными различиями (религиозными, культурными и даже антропометрическими), их сосуществование в пределах одного пространства описывается как игра с нулевой суммой. При этом «врожденные» особенности делают группы априори неравными, и «чужаки» представлены как менее образованные, нечистые, неполноценные в сравнении с представителями «нашей» группы.

Способом решить противоречие сосуществования в одном пространстве фундаментально различающихся групп является контролируемый бюрократией принимающей страны обряд перехода, альтернативой которому становится физическая близость. Трансграничная близость представлена как действие, участники которого репрезентируют всю национальную группу, частью которой они являются. Физический контакт «нашего» с «чужаком» приводит к пограничному, лиминальному состоянию, исходом которого может быть растворение одного из партнеров в «чужой» идентичности: либо превращение «чужака» в «нашего», либо «нашего» в «чужака». Возможность развития событий по второму сценарию вызывает страх пространственной экспансии «чужака», которая может привести

---

22. Мигрант для москвички — лучший жених? <https://www.kp.ru/daily/23959/72419/>

к превращению «меня» в «другого». Этот страх схож с тем, что вызывают зомби в массовой культуре (Чубаров, 2014: 123).

При этом в рассмотренных публикациях страх обращения в «другого» рождает только ситуация контакта «нашей» женщины с «чужим» мужчиной, именно тело женщины становится метафорой «нашего» воображаемого сообщества, нуждающегося в защите, вне зависимости от ее желания. Учитывая тот факт, что доля женщин во входящих миграционных потоках весьма значительная и становится все больше (Рязанцев, 2019), можно предположить, что контакты между «чужой» женщиной и «нашим» мужчиной не рассматриваются в качестве угрозы воображаемому сообществу.

Тексты традиционных медиа репрезентируют символический и физический контроль над воображаемыми границами национальных групп государственной бюрократией принимающей страны, которая признает сакральную силу физического контакта как контагиозного обряда, наделяющего «чужака» свойствами «наших». При этом априорное представление о неравенстве разных национальных групп приводит к постоянным подозрениям в том, что на самом деле физического контакта между «нашей» женщиной и «чужим» мужчиной не было, а значит, ход обряда был нарушен и «чужак» так и не стал «своим». В данном случае бюрократия осуществляет силовую интервенцию, цель которой — устранить «чужака» из «нашего» пространства. Группы, участвующие в производстве нарратива о трансграничной близости и не относящие себя к бюрократии, могут призывать к осуществлению интервенций, направленных против самой возможности физической близости между представителями разных национальных сообществ. Опасность этих контактов, судя по всему, заключается прежде всего в утрате контроля над женским телом, объектом, символизирующим пространство «нашей» страны или «нашего» города. Гипотетически воспринимаемое как часть воображаемого «мы» женское тело теряет субъектность, считаясь коллективным достоянием группы. Анализ текстов, описывающих девиантные сексуальные практики, показывает, что в случаях, когда подобное совершается между двумя представителями «нашей» группы, интервенция бюрократии, направленная на восстановление контроля над телом, скорее осуждается. Если же в отношениях участвует «чужак», подобный силовой контроль лишь приветствуется.

Личная свобода против «воображаемых сообществ»: оспаривание националистического нарратива в социальных медиа

В отличие от традиционных СМИ, представляющих по большей части мнение бюрократии или журналистов, в социальных медиа отображаются высказывания обычных людей — как мигрантов, так и представителей принимающего сообщества. Спектр значений трансграничной близости здесь значительно шире. Помимо контактов между «нашими» женщинами и мужчинами-«чужаками»

здесь обсуждаются отношения «наших» мужчин и женщин-мигрантов²³, «наших» мужчин-мигрантов и «местных» женщин²⁴. Часть пользователей, как мигрантов, так и «местных», воспроизводит «националистический» нарратив, усматривая в трансграничной близости грязь, угрожающую воображаемому сообществу «МЫ»²⁵, ²⁶.

Националистический нарратив о табу на физические контакты между представителями разных «воображаемых сообществ» может воспроизводиться при упоминании любых конфигураций трансграничной близости²⁷, ²⁸. И мигранты, и представители принимающего сообщества описывают страхи и подозрения, схожие с теми, что транслируют бюрократия и журналисты в профессиональных медиа. Трансграничная близость описывается как соединение того, что должно быть разделено, представляющее опасность для целостности воображаемых сообществ:

— *Для тех, кто собрался продолжать род не с кыргызами, зря вы называетесь кыргызами, если вы смешаетесь с другими, то, пожалуйста, не живите в Кыргызстане, не ездите на Иссык-Куль, не пейте нашу воду, из-за таких, как вы, теряется национальная гордость, наша страна заселится разными китаезами и другими, у нас, кыргызов, с вами ничего нет общего, точнее, есть еще внешняя схожесть, но у наших детей и внуков точно не будет! Кыргызы будут жить в Кыргызстане буряса! Вашим потомкам места там нет...*²⁹

Данное высказывание содержит конструкцию, напоминающую те, что встречались в текстах российских традиционных медиа — об угрозе «нашему» пространству, выраженной в распространении в его пределах «чужаков», а также их предполагаемых претензиях на дефицитные ресурсы, в том числе и на «гордость». Автор осуществляет символическую интервенцию, исключая людей, вступивших в трансграничную близость, из контекста «нашего» пространства, которое мыслится как тело-объект. Физическая близость с «чужаком» в этом нарративе приводит к распространению «чуждости» на пространство и связанное с ним сообщество целиком, и, опять-таки, к превращению «меня» в «чужака». Наделение

23. Раньше у меня были предубеждения о девушках, что мне надо встречаться с русскими: https://vk.com/wall-48189225_53624; Я сам по национальности русский, но мне очень нравятся казахские девушки: https://m.facebook.com/KazTours/photos/a.1271410846263443/2314954065242444/?type=3&_rdr

24. Как вы относитесь к межнациональным бракам? https://vk.com/topic-16228_25529567?offset=280

25. В 8-м классе я встречалась с одиннадцатиклассником! Он был грузин! https://vk.com/podsluska_kgz?trackcode=ddf3c154sgpwuUO_bBHsfA---Au4hNCVTkgWjCAJitOsD2Z1TQ&w=wall-87594204_104361

26. Если девушка влюбилась в иностранца и согласна выйти за него замуж: https://vk.com/wall-61061489_531960

27. У моей девушки до меня было два мужа-таджика. Чернильница или совпадение? https://vk.com/public76791337?trackcode=adc11481Fr-cTwOGKurZTjObNBopywtIsPVOy1DUoso7UUoOzg&w=all-76791337_6475869

28. Я влюбился в русскую девушку, но мама, наверное, не одобрит: https://vk.com/rcavm?trackcode=7d750136CT_M9CVK28EvDRp_3oDWM9pC5t4osfqDEXINhVRcGQ&w=wall-118941478_17847

29. В последнее время участились случаи, когда наши девушки выходят замуж за иностранцев и лиц другой национальности: https://vk.com/topic-1339140_1957973?offset=0

«нашего» воображаемого сообщества и связанного с ним пространства характеристиками, в большей степени свойственными человеческому телу, в социальных медиа встречается довольно часто³⁰. Проводя символические интервенции против трансграничной близости, пользователи, подобно бюрократам в традиционных медиа, пытаются осуществить власть над чужими телами, которые репрезентируют воображаемое сообщество целиком. И в социальных медиа угрожающими представляются в первую очередь ситуации, в которых «наша» женщина вступает в близость с «чужим» мужчиной³¹. Такие ситуации некоторыми пользователями рассматриваются как повод для силовых интервенций ради «восстановления чистоты»³².

Ключевым отличием социальных медиа становится то, что представление о необходимости поддерживать целостность и чистоту воображаемого «мы» разделяют далеко не все пользователи. Если в традиционных медиа «нормальность» трансграничной близости практически никем не постулируется, то в медиа социальных почти в каждом диалоге-обсуждении, который попал в массив, присутствуют две альтернативных позиции. В диалоге, последовавшем за процитированным выше фрагментом, пользователи, в основном женщины, подвергают сомнению исходящую от трансграничной близости опасность, а также — значимость границ воображаемых сообществ в принципе. В социальных медиа появляется отсутствующий в повестке дня традиционных СМИ конструкт — свобода воли, которую пользователи ставят выше национальных границ. Необходимость сохранения «чистоты» как инструмент власти над телом «нашей» женщины, репрезентирующим воображаемое сообщество, противопоставляется эмоциональной вовлеченности, причем последняя снова и снова описывается как проявление свободы воли.

Оспаривается и целесообразность силовых интервенций во имя сохранения «чистоты». На протяжении нескольких лет в ряде «мигрантских» городских пабликов обсуждалась³³ существующая на западе России субкультура кыргызских «патриотов», избивавших и насилующих женщин за то, что те встречались с мужчинами других национальностей. В дискуссиях³⁴ против действий «патриотов» регулярно выступали представители «второго поколения» мигрантов. Часть из них апеллировала к свободе индивидуального выбора, другие — к нормам исла-

30. Девочки, у кого мужья — азербайджанцы? Как у вас отношения складываются? https://vk.com/wall-155622384_3777258

31. Анонс. На днях увидел бурятку в мусульманской одежде и охренел. Вы чо, бурятки, совсем, что ли? https://vk.com/wall-148643627_893031

32. Пора опять чистить города и дать понять, кто в России хозяева: https://vk.com/wall-58053864_99015

33. Раз девушка встречается с парнем другой национальности, значит, он ее устраивает, ей комфортнее с ним. Нет плохой нации в любом случае! https://vk.com/podsluskakgz?trackcode=ddf3c154sgpwuUO_bBHsfA---Au4hNCVTkgWjCAJitOsD2ZiTQ&w=wall-87594204_263087

34. На нее напали кыргызы и избивали ее из-за того, что она встречается не с кыргызом: https://vk.com/podsluskakgz?trackcode=ddf3c154sgpwuUO_bBHsfA---Au4hNCVTkgWjCAJitOsD2ZiTQ&w=wall-87594204_261550

ма³⁵, согласно которым национальная принадлежность не имеет значения, в отличие от религиозной. Так или иначе, против силовых интервенций в отношении нарушителей «чистоты нации» выступало большинство пользователей, даже те, кто не считал трансграничную близость нормой:

— В социальных сетях появилось видео о том, как кыргызстанцы в кафе буквально допрашивают кыргызстанок, почему они общаются с представителями других национальностей, а не с кыргызами.

Гулящую девушку только пуля исправит.

— Атып салыш керек.

— Брат койчу сен ошол жерде эле болчусунбу? бир кырдалдын негизин билбестен громко суйлобогуло чу!!! ким билет жигити болушу мумкун куйосуу болушу мумкун!!! андай патриот болушса нан тапканга жардам беришсын сынабай эле!!!

— Дебилы недоразвитые!!! Какая разница, с какой национальностью общаются девушки кыргызской национальности.

<...>

— С одной стороны, это правильно, чеченцы, даги не выдают своих женщин иностранцам. А парни могут жениться, так как парни продолжают род нации, и дети будут той крови, что и отец. Таким образом, они сохраняют честь нации и честь своих женщин. Никто другой какой-либо нации не может обесчестить их женщин и бросить как шлюх уличных.

— У каждого свое право, с кем жить и как жить! А вот пацанам скажу, что они лохи полные, я никогда не уважал тех парней, которые поднимают руку на женщин! Если ты мужик и патриот, подойди к тем парням, которые сидели с нашими девочками, и позови на разборку!

— Я тоже согласен, они тоже неправильно поступают. Но не такими же методами, дикари!!!

<...>

— Это нацизм, и это ничем не отличается от фашизма. Так называемые «патриоты» — это просто лохи, неуверенные мужланы, которые вдруг решили поучить девушек «уму-разуму», эти дебилы, которые в жизни ни одной хорошей книги не прочитали, решили, что они могут давать жизненные советы и решать, кто с кем встречается. Мужланы, которые хотят самоутвердиться за счет слабых женщин и унижить. Из-за таких свиней, как они, наше общество не процветает!³⁶

В принципе, выступление представителей «второго поколения» против националистического нарратива можно считать особенностью, отличающей обсуждения трансграничной близости в социальных медиа от традиционных СМИ. Пользователи, которых можно определить как представителей «второго поколения», ищут в социальных медиа групповой поддержки решения, идущего вразрез с на-

35. Дело тут не в нациях должно быть... https://vk.com/topic-16228_25529567?offset=280

36. В Сети вновь появилось видео о «патриотах» в Москве, воспитывающих кыргызок: https://vk.com/wall-57559146_96305

ционалистическим нарративом «чистоты»³⁷. Представители старших поколений, напротив, чаще поддерживают нарратив, совершая с его помощью символические интервенции:

— *Всем здравствуйте! Я мужчина, мне 46 лет. <...> Недавно женил сына, скоро и дочь выходит замуж, и вроде все хорошо, но она выходит замуж за другую нацию (азиаты и славяне у нас не приветствуются), и я смиряться с этим не смогу. Я ругаюсь до сих пор со своей бывшей супругой, потому что это она недоглядела. Вы извините, но я не хочу внука от Вани или от Турсунбека, так что, уважаемые родители, следите за своими мальчишками, пусть каждый женится на девушке своей национальности. Спасибо за внимание*³⁸.

Подобно тому, как российская бюрократия использует националистический нарратив для оправдания контроля над телами сограждан, родители используют его для контроля над телами детей. Причем в этом случае риторика чистоты используется как для контроля над телами мужчин, так и женщин:

— *Я — казах, возлюбленная моя — русская. Вместе мы уже три года. Родители мои строго-настрого запрещают с ней встречаться, говорят, что ни рубля не дадут, если речь пойдет о свадьбе. Они уверены, что мне нужна лишь казашка. Как переубедить, что делать? Я в отчаянье...*³⁹

— *У меня так же.*

<...>

— *Если тебе с ней хорошо, то, я думаю, родители поймут.*

— *Родители правы, я сейчас тоже жил с русской и во всем разочаровался, на са- лака не приходили ее родственники, про похороны родных слышать не хотели, зато как согым или просто мясо режем, так все бежали, да и предатели они и на- цисты сильные, мы для них черножопые.*

— *Ты не казах, ты тряпка, которая боится родительские деньги потерять. Для любви нет национальностей.*

— *Мля, с ней тебе жить, а не им. Если ты не можешь защитить свою любовь, то о какой совместной жизни может быть речь? Или ты до сих пор маменькин сынок?*

— *Наверное, впервые это скажу. Но когда мой братишка решил жениться на де- вушке не нашей национальности, мы с мамой просто начали его донимать, приво- дя все возможные доводы. Он нас усадил и сказал: «Я ЖЕНЮСЬ НА ТОЙ, НА КОМ ВЫ СКАЖЕТЕ, НО НЕ ЖДИТЕ МЕНЯ НОЧАМИ ДОМА, ЖИТЬ БУДЕТЕ С НЕЙ*

37. Я хочу взять в жены русскую девушку! https://vk.com/topic-16228_26609950?offset=0; Привет всем. Дело в том, что я влюбилась в парня-киргиза: https://vk.com/wall-59796265_494304; влюбился девушку (казашку) красота и доброта этой девушки через край, вот не знаю, как подойти к ней, сам калмык: https://vk.com/wall-69144939_12992

38. Вы извините, но я не хочу внука от Вани или от Турсунбека: https://vk.com/pcavm?w=wall-118941478_239037

39. Я — казах, возлюбленная моя — русская. Вместе мы уже три года. Родители мои строго-настрого запрещают с ней встречаться: https://vk.com/pcavm?trackcode=d5of07obF-HnKttHoSHuNSRO1rlpLCOrNdYj3_K8wCJORbLDRA&w=wall-118941478_198348

САМИ, И НИКАКИХ ПРАВОУЧЕНИЙ МНЕ НЕ ЧИТАЙТЕ!! Мы отпустили эту ситуацию, решили смениться, и ни разу об этом не пожалели!!! Наша сноха самая лучшая!! Поговори по душам со своими, может, они реально примут?

— Женат на русской, трое детей, хотя родители были против. Жить на самом деле тебе, главное — воспитай правильно своих детей))).

Случаи, когда «наш» мужчина вступает в отношения с «чужой» женщиной, в социальных медиа обсуждаются и критикуются гораздо реже. Более того, некоторые пользователи проговаривают, что «чистоте нации» вредят только контакты «наших» женщин с «чужими» мужчинами, но не наоборот: «А то, что иногда ходит случайно с кем-нибудь, это не в счет, так как главная для него та, с которой он будет производить детей)))»⁴⁰. Судя по никам и фотографиям профилей пользователей, националистический нарратив чаще воспроизводят мужчины, а оспаривают женщины. Мужчины выступают чаще против методов интервенций, но не против самого факта использования нарратива «чистоты нации» для контроля над телами других людей.

Пользователи — представители принимающего сообщества воспроизводят националистический нарратив чистоты не реже пользователей-мигрантов, используя при этом весьма схожие конструкты:

— Очень жаль, что в связи с уважением к сообществу тут, я не могу написать комментарий на простом русском мате... Потому что других слов найти сложно. Рвотный рефлекс от мысли, что женщина-славянка, воспитанная в христианских традициях, позволит себе отношения с гражданами Таджикистана. Просто сюр какой-то. Свою кровь, свою нацию, свою родословную надо ценить, а не уничтожать путем сношений х*** пойми с кем. Уж простите за столь эмоциональный ответ⁴¹.

Люди, в отношении которых производятся подобные символические интервенции, также обращаются к аудитории цифровых площадок, надеясь получить коллективное одобрение выбора партнера, воспринимаемого как девиантный или неконвенциональный. Это могут делать люди, составляющие разные конфигурации трансграничной близости^{42, 43}. Как и мигранты, представители принимающего сообщества могут на уровне универсальной пресуппозиции рассматривать трансграничную близость как нечто сомнительное, пытаясь разрешить эти сомнения и легитимировать собственное решение через обращение к группе «своих». При этом чаще за одобрением группы обращаются молодые люди, пытающиеся противостоят власти родителей, которая проявляется через запрет на «трансграничные браки». В одном из диалогов молодая женщина пишет, что ее выгнала из дома

40. Если девушка выходит замуж за не кыргыза, то она кыргыз эмес6 https://vk.com/topic-1339140_1957973

41. Отношения с мужчиной-таджиком: <https://www.woman.ru/reactions/men/thread/4922621/20/>

42. Стоит ли встречаться с узбеком: <https://www.woman.ru/reactions/men/thread/4874657/2/>

43. Я русский, девушка таджичка: <https://forum.pickup.ru/topic/187602-%D1%8F-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0-%D1%82%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D1%87%D0%BA%D0%B0/>

мать за то, что она забеременела «от таджика», который уехал к себе на родину⁴⁴, в другом — мужчина, собирающийся жениться на казашке, пишет, что ему мешает принять решение национализм родителей:

— Отец говорил мне, что не хочет внуков, которые не похожи на него. Я до поры до времени тоже думал так же. А теперь я влюблен в казашку неземной красоты. И теперь я в замешательстве... А если действительно дети будут другой национальности. Нет, это не расизм, и я не расист, но факт остается фактом. Мне просто интересно мнение людей, как к этому относятся (к русско-казахским парам), как к этому вообще относиться? Подскажите...⁴⁵

Некоторые пользователи на уровне универсальной пресуппозиции воспринимают националистический нарратив как нечто неприемлемое, одновременно разделяя представление о недопустимости трансграничной близости. В данном случае воспроизводя риторику чистоты, пользователи стараются привести другие аргументы, оправдывающие символические интервенции. Некоторые повторяют конструкты, которые можно встретить в традиционных СМИ: истории о «порченных» детях, которые появляются в результате таких союзов, непреодолимых «культурных различиях», делающих невозможным пребывание супругов в одном пространстве.

Аргументируя недопустимость трансграничной близости, некоторые используют описанные еще Э. Саидом (2021) ориенталистские мифы: о сексуальной гиперактивности «чужих»⁴⁶, о спокойном отношении «всех мигрантов» к многоженству⁴⁷, лени,⁴⁸ склонности к домашнему насилию⁴⁹. Физическая близость с «другим» в этом контексте выглядит противоречием, которое пользователи социальных медиа, подобно журналистам, решают с помощью поиска скрытых дефектов в представителе «нашей» группы, вступающем в связь с «чужаком»⁵⁰. Характерно, что лишь малая часть пользователей воспроизводит эти представления, ссылаясь на собственный опыт. Большинство преподносит негативные стереотипы как часть фоновое знание. Упомянувшие о наличии субъективного опыта трансграничной близости чаще говорят о нем в положительном ключе:

— Здравствуйте!!! Девушки, встречались ли вы с таджиком? Как это, что у тебя парень — таджик, что подумают и скажут другие, анонимно, пожалуйста.

— Таджик, как все, как все, как все...

— Чернильница.

44. Познакомилась с парнем (он таджик), встречались с ним пять месяцев, и потом забеременела: https://vk.com/overstory163?trackcode=oc425a2adUuvllE-nPXeeKGPJqaGFjr2bqc4yh4XhYNeXfljeA&w=all-42949290_551024

45. Отец говорил мне, что не хочет внуков, которые не похожи на него: https://vk.com/wall-48189225_53624

46. У кого муж киргиз: <https://www.woman.ru/rerelations/family/thread/5200264/>

47. Москвички все чаще выходят замуж за жителей Таджикистана: <https://www.woman.ru/news/moskvichki-vse-chashe-vykhodyat-zamuzh-za-zhitelei-tadzhikistana-id656599/>

48. Замуж за трудового мигранта: <https://www.woman.ru/rerelations/men/thread/5413683/>

49. Замуж за таджика: <https://www.woman.ru/rerelations/family/thread/5598109/>

50. Отношения с мужчиной-таджиком: <https://www.woman.ru/rerelations/men/thread/4922621/>

— Я аж чаем подавилась.

— Фу на *уй.

— Таджики тоже люди)

— Чернильница.

— Ну я бы не стала встречаться — как минимум потому, что дети черненькие будут.

— А на Родине жена и пятеро детей.

— Не губи себя, пока не поздно! Столько парней русских много, они лучше в тысячи раз!!! Чего ж вас, некоторые девушки, так «черные» парни цепляют...

— А что значит — фу, ужас? Комментаторы, вы всех таджиков считаете вонючими, грязными или не людьми? Ну ясно, почему русских никто не любит, всех под одну гребенку списывают, одни мы, россияне, пи**аты и умыты. Единственное что фу то, что кровь мешаешь, хотя русских парней куча.

— Да нас*ать, с кем ты там! Тебе рожу разбили, на кухне место указали. Сиди дома, рожай обезьянок.

— А тут зависит, наверное, от его мат. состояния. Если он весь ухоженный, с хорошей работой, статусом, то, наверное, мало кто посмотрит, кто он — таджик, узбек или Тимати. И да, девчонки, все изначально ищут СИЛЬНОГО САМЦА. Можете, конечно, говорить, что «нееет, я лучше русского не работающего и немытого». Неправда все это. Не верю!

— Русские должны встречаться с русскими, таджики с таджиками, арабы с арабами и т. д. Людей сближает общая культура, схожие взгляды, а отличие всегда порождает, в лучшем случае, непонимание, я так считаю.

— У меня во дворе живет семья, где мама русская и папа таджик. Глаз радуется, когда на них смотрю! Три сыночка замечательных, которые еще фору дадут в воспитанности и правильности поступков нашим русским пацанятам, и маленькая совсем еще девочка, в колясочке. Так вот, я думаю, что всех под один гребень чесать не стоит, но разобраться в человеке и узнать обо всех вышеупомянутых скелетах в шкафу в виде семьи на родине и т. д., я думаю, нужно⁵¹.

Подобно «лиминальным» существам, люди, заключающие трансграничные браки, воспринимаются в социальных медиа как выпадающие за пределы социальных категорий, причем как наблюдателями, так и самими участниками ситуации. Физическая близость с «Чужаком», реальная или подразумеваемая, провоцирует сомнение в целостности социального порядка: «Чужак <...> перемещается / осциллирует между его полюсами, он не вписывается в оппозицию, но тем самым и не отрицает ее с определенностью, но лишь ставит под сомнение. Его сомнение в четкости, определенности и правомочности разграничивающих оппозиций — это, по сути, сомнение в способе упорядочивания социального мира: Чужак, таким образом, ставит проблему социального порядка» (Баньковская, 2023: 95). Эту целостность одни авторы текстов пытаются вернуть с помощью символических

51. Здравствуйте!!! Девушки, встречались ли вы с таджиком? Как это, что у тебя парень таджик, что подумают и скажут другие: https://vk.com/wall-54086381_1915282

интервенций, другие же ставят вопрос, а так ли она ценна? Молодые мужчины и женщины все чаще осмеливаются вступать в отношения с «другим», оспаривая тем самым националистический нарратив о необходимости соблюдать «чистоту крови». Они ищут и иногда находят поддержку аудитории социальных медиа.

Заключение

Анализ материала показывает, что в рассмотренных текстах традиционных СМИ и социальных медиа тема трансграничной близости становится триггером, провоцирующим обсуждение содержания и значимости национальных границ, последствий их нарушения. В этих обсуждениях нередко воспроизводится националистический нарратив о необходимости поддержания «чистоты» воображаемого сообщества через силовые интервенции в частную жизнь отдельных его представителей, направленные на устранение трансграничной близости. Последняя рассматривается как непосредственная опасность для воображаемого сообщества, причем контакт с «чужаком» воспринимается как опасность для «нашего» сообщества и никогда — для самого «чужака», вне зависимости от того, кто именно воспроизводит националистический нарратив — мигрант или представитель принимающего сообщества.

Опасность трансграничной близости основана на представлении о ней как контагиозном обряде, в ходе которого участники ситуации имеют в виду не только себя, но и все воображаемое сообщество, частью которого они являются. Человеческие тела становятся метафорами национальных групп, обладающими способностью передавать собственные характеристики при физическом контакте и воспринимать характеристики «другого». В результате физического контакта происходит либо передача «чужаку» свойств воображаемого сообщества «мы», либо же, наоборот, «чужак» заражает своей инаковостью принимающее сообщество. Взаимодействие «чужака» и «нас» представляется игрой с нулевой суммой, в которой «чужак», с помощью распространения своей культуры, политического или демографического влияния, захватывает «наши» дефицитные ресурсы. Гипотетически «чужая культура», «чужая религия», «электоральное» или «демографическое» влияние в нарративе являются метафорами, объясняющими один и тот же процесс, который в воображении авторов сопровождает трансграничную близость: пространственную экспансию «чужака», в ходе которой «наше» пространство, «наш» город наделяются его свойствами.

С одной стороны, акторы рассматривают физическую близость как сакральное действие, размывающее границы воображаемых сообществ. С другой стороны, присутствующее на уровне универсальной пресуппозиции представление о трансграничной близости как контакте акторов априори неравных становится причиной постоянных подозрений «чужака» в желании использовать этот контакт для того, чтобы осуществить экспансию, а «своего» — в предательстве интересов группы.

Характерно и то, что опасным считается лишь действие, совершаемое той частью воображаемого сообщества «мы», которое мыслится как подвластное актору, производящему текст. Прежде всего речь идет о молодых людях и особенно — женщинах. Случаи, когда «наш» мужчина вступает в связь с «чужой» женщиной, вообще не обсуждаются в СМИ и реже обсуждаются в социальных медиа, несмотря на феминизацию миграции из Центральной Азии в РФ.

Анализ текстов позволяет выдвинуть следующую гипотезу. Пользователи старших поколений, получившие образование в советских школах, более склонны воспринимать трансграничную близость как контагиозный обряд вне зависимости от того, какую национальную группу они представляют. Они же чаще используют нарратив сохранения «чистоты» для контроля над группами, воспринимаемыми как объект подчинения, прежде всего — над молодыми женщинами. Доминирующая в традиционных медиа позиция, оправдывающая силовые интервенции в трансграничные браки подозрением в девиантной мотивации и априорной неполноценности партнеров, во многом совпадает с позицией именно этой группы.

Эта позиция часто оспаривается в медиа социальных. Причем, предположительно, наиболее активно в опровержении националистического нарратива чистоты участвуют представители постсоветских поколений, особенно — молодые женщины, вне зависимости от того, являются ли они мигрантами или представителями принимающего сообщества. Пользователи социальных медиа в большей степени склонны рассматривать физическую близость и эмоциональную вовлеченность как способ преодоления национальных границ. Можно предположить, что в иерархии ценностей, которые представляют пользователи в своих монологах, свобода выбора и личные чувства занимают более высокое место, нежели границы воображаемых сообществ.

Тот факт, что нарратив о «чистоте» и силовых интервенциях для ее поддержки воспроизводят пользователи из России и других стран СНГ, может говорить о том, что, во-первых, национализм является весьма распространенным, существующим на уровне универсальной пресуппозиции конструктом. Оправдания силовых интервенций в нарративах пользователей социальных медиа и в медиа традиционных могут свидетельствовать о том, что национализмы на постсоветском пространстве являются одним из весьма существенных факторов, затрудняющих процесс интеграции трансграничных мигрантов в России.

Литература

- Акрамов Ш. (2018). Межнациональные браки как фактор адаптации трудовых мигрантов из Таджикистана в России // Мир науки, культуры, образования. № 6. С. 407-408.
- Баньковская С. П. (2023). Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. СПб: Владимир Даль.

- Барсукова Т., Часовская Л.* (2016). Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов // *Общество: социология, психология, педагогика*. № 7. С. 7-12.
- Ван Геннеп А.* (1999). *Обряды перехода*. М.: Восточная литература РАН.
- Варганова О. Ф.* (2015). Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа) // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 11. № 3. С. 81-93.
- Веснина Л. Е.* (2010). Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ // *Политическая лингвистика*. № 1. С. 84-89.
- Ди Ч.* (2012). Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей // *Вестник СПбГУ*. № 9. С. 223-230.
- Дуглас М.* (2000). *Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу*. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- Олимова С.* (2018). Трудности адаптации к мигрантской жизни: как таджики строят интимные отношения в России // *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/trudnosti-adaptatsii-k-migrantskoy-zhizni-kak-tadzhiki-stroyat-intimnye-otnosheniya-v-rossii/#detail>
- Рейтинги российских СМИ. <https://www.mlg.ru/ratings/media/>
- Рязанцев С.* (2019). Гендерные аспекты трудовой миграции в России // *Женщина в российском обществе*. № 4. С. 53-65.
- Рязанцев С., Сивоплясова С.* (2021). Брачное поведение женщин-мигранток из стран Центральной Азии // *Экономическая социология и демография / Женщина в российском обществе*. С. 136-140.
- Саид Э.* (2021). *Ориентализм. Музей современного искусства «Гараж»*.
- Сороко Е.* (2014). Межэтнические браки в России // *Демографическое обозрение*. Т. 1. № 4. С. 96-123.
- Фуко М.* (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.
- Чубаров И.* (2014). Исключенные. Логика социальной стигматизации в массовом кинематографе // *Логос*. Т. 101. № 5. С. 93-130.
- Щербакова Е.* (2020). Миграционный прирост населения России сократился в 2,7 раза по сравнению с первым полугодием 2019 года // *Демоскоп weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/barom01.php>
- Abrego L.* (2021). Sacrificing Families: Navigating Laws, Labor, and Love Across Borders // *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 82. P. 121-134.
- Alencar A.* (2018). Refugee Integration and Social Media: A Local and Experiential Perspective // *Information Communication & Society*. №21. P. 1588-1603.
- An S., Lim S. S., Lee H.* (2020). Marriage migrants use of social media // *Asian Journal of Communication*. Vol. 30. № 2. P. 83-99.
- Brettell C.* (2017) Marriage and Migration // *Annu. Rev. Anthropol.* № 46. P. 81-97.
- Chouliaraki L., Stolic T.* (2017). Rethinking media responsibility in the refugee “crisis”: A visual typology of European news // *Media, Culture & Society*. Vol. 39. № 8. p. 1162-1177.

- D'Aous A.-M.* (2013). In the Name of Love: Marriage Migration, Governmentality, and Technologies of Love // *International Political Sociology*. № 7. P. 258–274.
- Dekker R. et al.* (2018). Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making // *Social Media + Society*. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2056305118764439>
- Dekker R., Engbersen G.* (2013). How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration // *Global Networks*. №14. p. 401–418.
- Eberl J. M., Meltzer C. E., Heidenreich T., Herrero B., Theorin N., Lind F., Strömbäck J.* (2018). The European media discourse on immigration and its effects: A literature review // *Annals of the International Communication Association*. Vol. 42. № 3. p. 207–223.
- Farhana I.* (2018). Cross-Border Intimacies: Marriage, migration, and citizenship in western India // *Modern Asian Studies*. Vol. 52. № 5. P. 1664–1691.
- Francesca Decimo* (2022). Copious relationships: transnational marriages and intimacy among Moroccan couples in Italy // *Journal of Family Studies*. Vol. 28. № 4. P. 1255–1271.
- McCombs M.* (2004). *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge: Polity Press.
- McCombs M., Shaw D.* (1972). The agenda-setting function of mass media // *Public opinion quarterly*. Vol. 36. № 2. p. 176–187.
- Constable N.* (2009) The Commodification of Intimacy: Marriage, Sex, and Reproductive Labor // *Annu. Rev. Anthropol.* № 38. P. 49–64.
- Straiton M., Ansnes T., Tschirhart N.* (2019). Transnational marriages and the health and well-being of Thai migrant women living in Norway // *International Journal of Migration, Health and Social Care*. Vol. 15. № 1. P. 107–119.
- Yayan S., Burhanatut D.* (2017). Marriage Legalization For Indonesian Migrant Workers (Implementation of “Justice for All” for Migrant Workers at Tawau, Sabah, Malaysia) // *Education and Humanities Research*. Vol. 162.

Nationalism, Purity, and Danger: “Cross-border Intimacy” in Russian Digital Media⁵²

Dmitry Timoshkin.

Candidate of sociological sciences. Researcher, Center for Theoretical and Applied Political Science, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow; Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Art History of the State Institute of SibFU. Address: 660041, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 86.
E-mail: dmtrtim@gmail.com

---

52. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326)

The article explores narratives of the “cross-border intimacy” in Russian-language digital media. The text arrays generated by migrants, representatives of the host community, and professional journalists in digital media are analyzed. We identified and compared the meanings that are given to marriages between migrants and “locals”. Texts were selected from 10 of the most quoted Russian Internet media, city public sites of the largest Russian social network V Kontakte, Internet forums on combinations of the keywords “migrant”, “marriage”, “married”, and “marriage”, as well as ethno-chronyms, that is, immigrants from the main donor countries to the Russian Federation. Qualitative content analysis has become a research tool. It has been established that migrants and representatives of the host community are equally involved in the production of values of cross-border proximity whose position is broadcast by professional media, especially the Russian bureaucracy. All three groups of the senders of statements on social networks discussing cross-border proximity reproduce the rhetoric of “purity” and “danger” in different forms. This rhetoric is similar to the description of objects that fall out of conventional social categories presented in the works of M. Douglas. In digital media, cross-border intimacy is seen as an existential threat to the integrity of an imaginary community, often metaphorically referred to as a female body. Physical contact with a “stranger”, such as “our” woman with a “stranger” man, is first of all considered as a contagious rite, a result of which the “dirt” peculiar to the “stranger” is transmitted to the imaginary community as a whole. People who broadcast this narrative make claims to the role of “defenders” of an imaginary community from “unconventional” contacts between “their own” and “strangers”. The narrative of “protection from dirt” is used as a way to legitimize their own power by men, bureaucrats, and parents. We found a watershed between the professional and social media. This watershed lies in the fact that the narrative about the need to keep the “purity” of an imaginary community is constantly challenged in social media, unlike professional ones. Love and freedom of individual choice are placed above the inviolability of the boundaries of imaginary communities, thus legitimizing cross-border closeness. The analysis of the material allowed us to put the hypothesis forward that social media contributes to the destruction and delegitimization of the nationalist narrative dominating in professional media. This is primarily used by social groups, in respect of which the power legitimized by the narrative of “purity” is applied; such groups are formed primarily by women, as well as representatives of the “second generation” of migrants.

Keywords: cross-border migration, imaginary communities, “cross-border intimacy”, contagiousness, purity, nationalism, digital media

References

- Abrego L. (2021) Sacrificing Families: Navigating Laws, Labor, and Love Across Borders. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 82, pp. 121-134.
- Akramov Sh. (2018) Mezhnacional'nye braki kak faktor adaptacii trudovyh migrantov iz Tadjikistana v Rossii [Interethnic marriages as a factor of adaptation of labor migrants from Tajikistan to Russia]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, no 6, pp. 407-408.
- Alencar A. (2018) Refugee Integration and Social Media: A Local and Experiential Perspective. *Information Communication & Society*, no 21, pp. 1588-1603.
- An S., Lim S. S., Lee H. (2020) Marriage migrants use of social media. *Asian Journal of Communication*, vol. 30, no 2, pp. 83-99.
- Bankovskaya S. (2023) *CHuzhaki i granicy. Issledovaniya po sociologii marginal'nosti* [Strangers and borders. Studies in the sociology of marginality], St. Petersburg: Vladimir Dahl.
- Barsukova T., Chasovskaja L. (2016) Transformacija semejno-brachnogo povedenija trudovyh migrantov [Transformation of marital behavior of migrant workers]. *Obshchestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*, no 7, pp. 7-12.
- Brettell C. (2017) Marriage and Migration. *Annu. Rev. Anthropol.*, no 46, pp. 81-97.
- Chouliaraki L., Stolic T. (2017) Rethinking media responsibility in the refugee “crisis”: A visual typology of European news. *Media, Culture & Society*, vol. 39, no 8, pp. 1162-1177.
- D'Aous A-M. (2013) In the Name of Love: Marriage Migration, Governmentality, and Technologies of Love. *International Political Sociology*, no 7, pp. 258-274.

- Dekker R. et al. (2018) Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making. *Social Media + Society*. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2056305118764439>
- Dekker R., Engbersen G. (2013) How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration. *Global Networks*, no 14, pp. 401–418.
- Di Ch. (2012) Social'nye setevye media i social'nye seti v koncepcijah amerikanskih i rossijskih issledovatelej [Social network media and social networks in the concepts of American and Russian researchers]. *Vestnik SPbGU*, no 9, pp. 223 — 230.
- Duglas M. (2000) *Chistota i opasnost': analiz predstavlenij ob oskvrnenii i tabu* [Purity and danger: an analysis of the concepts of desecration and taboo], Moscow: KANON-press-C: Kuchkovo pole.
- Eberl J. M., Meltzer C. E., Heidenreich T., Herrero B., Theorin N., Lind F., Strömbäck J. (2018) The European media discourse on immigration and its effects: A literature review. *Annals of the International Communication Association*, vol. 42, no 3, pp. 207-223.
- Farhana I. (2018) Cross-Border Intimacies: Marriage, migration, and citizenship in western India. *Modern Asian Studies*, vol. 52, no 5, pp. 1664–1691.
- Francesca Decimo (2022) Copious relationships: transnational marriages and intimacy among Moroccan couples in Italy. *Journal of Family Studies*, vol. 28, no 4, pp. 1255-1271.
- Fuko M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'm* [Discipline and Punish: the burth of prison], Moscow: Ad Marginem.
- McCombs M. (2004) *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*, Cambridge: Polity Press.
- McCombs M., Shaw D. (1972) The agenda-setting function of mass media. *Public opinion quarterly*, vol. 36, no 2, pp. 176-187.
- Constable N. (2009) The Commodification of Intimacy: Marriage, Sex, and Reproductive Labor. *Annu. Rev. Anthropology*, no 38, pp. 49–64.
- Olimova S. (2018) Trudnosti adaptacii k migrantskoj zhizni: kak tadhiki strojat intimnye otnoshenija v Rossii [Difficulties of adaptation to emigrant life: how Tajiks build intimate relationships in Russia]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/trudnosti-adaptatsii-k-migrantskoj-zhizni-kak-tadhiki-stroyat-intimnye-otnosheniya-v-rossii/#detail>
- Rejtingi rossijskih SMI* [Ratings of Russian media]. <https://www.mlg.ru/ratings/media/>
- Rjazancev S. (2019) Gendernye aspekty trudovoj migracii v Rossii [Gender aspects of labor migration in Russia]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, no 4, pp. 53—65.
- Rjazancev S., Sivopljasova S. (2021) Brachnoe povedenie zhenshin-migrantok iz stran central'noj Azii [Marital behavior of migrant women from Central Asian countries]. *Jekonomicheskaja sociologija i demografija. Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, pp. 136—140.
- Said Je. (2021) *Orientalizm, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh»*.
- Shherbakova E. (2020) Migracionnyj prirost naselenija Rossii sokratilsja v 2,7 raza po sravneniju s pervym polugodiem 2019 goda [The migration growth of the Russian population decreased by 2.7 times compared to the first half of 2019]. Demoskop weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/barom01.php>
- Soroko E. (2014) Mezhetnicheskie braki v Rossii [Interethnic marriages in Russia]. *Demograficheskoe obozrenie*, vol.1, no 4, pp. 96-123.
- Straiton M., Ansnes T. and Tschirhart N. (2019) Transnational marriages and the health and well-being of Thai migrant women living in Norway". *International Journal of Migration, Health and Social Care*, vol. 15, no 1, pp. 107-119.
- Van Gennep A. (1999) *Obrjady perehoda* [rites of passage], Moscow: Vostochnaja literatura RAN.
- Varganova O. F. (2015) Obraz trudovogo migranta v federal'nyh i regional'nyh SMI (po rezul'tatam kontent-analiza) [The image of a migrant worker in federal and regional media]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, vol. 11, no 3, pp. 81-93.
- Vesnina L. E. (2010) Metaforicheskoe modelirovanie migracii v rossijskih pechatnyh SMI [Metaphorical modeling of migration in Russian print media]. *Politicheskaja lingvistika*, no 1, pp. 84-89.
- Yayan S. Burhanatut D. (2017) Marriage Legalization For Indonesian Migrant Workers (Implementation of "Justice for All" for Migrant Workers at Tawau, Sabah, Malaysia). *Education and Humanities Research*, vol. 162.